

Вопрос о влиянии военной реформы Петра I на систему социальных отношений в России не стал предметом самостоятельной научной разработки, несмотря на определенный интерес к этой теме историков разных поколений и школ.

Между тем в социальной реконструкции и подготовительных шагах к ней, предпринятых Петром Великим, армии отводилась ключевая роль. Точкой отсчета в создании регулярной армии можно считать 1699 г., когда был объявлен призыв «даточных» людей — по существу первый в России набор рекрутов-воинов, поставляемых податными сословиями. Первоначально к решению этой задачи привлекались землевладельцы, которым предписывалось обеспечить не менее одного воина с 50 крестьянских дворов, а служившие по московскому списку должны были дополнительно представить по одному конному даточному со 100 дворов. С 1705 г. рекрутские наборы становятся систематическими, а ответственность за выделение рекрутов перекладывалась с землевладельцев на городские и сельские общины. Тогда же норма поставки рекрутов возросла до одного человека с 20 дворов. Вместе с тем дворянство полностью не отстранялось от участия в рекрутском наборе: за ним закреплялся контроль над общинным сбором воинов, а для тех, кто не мог обеспечить затребованного количества, норма удваивалась. В дополнение к этому владельцы имений должны были подготовить по одному кавалеристу с 80 дворов¹. Только из среды сельских жителей к 1711 г. в армию было отправлено 139 тыс. человек².

В отличие от предшествующего времени, когда даточные служили во вспомогательных войсках, теперь они становились солдатами регулярной армии — основой вооруженной силы. Заботу об их содержании, обучении, применении брало на себя государство. Поскольку рекрутская повинность являлась общинной, выбор кандидатов и очередность участия семей в отбывании повинности определяла община. Военная служба была пожизненной — сданный государству рекрут выбывал из своего прежнего социального состояния и по сути дела навсегда прощался со своей малой родиной и сородичами.

Другим источником комплектования армии являлся прием волонтеров — из «вольницы», так называемых вольных гулящих людей. Под эту категорию попадали беглые холопы, крепостные, вольноотпущенники. Государство шло

Волкова Ирина Шадимировна — кандидат исторических наук, доцент Государственного университета Высшая школа экономики

навстречу их стремлению служить в армии — поступаясь тяглицом, но приобретая взамен солдата. Уже в первый набор 1699 г. из вольницы было поверстано в службу 276 человек³. В дальнейшем

их приток в армию неуклонно возрастал вплоть до второй половины XVIII в., когда таких соискателей стали отсылать назад⁴.

Третьим постоянным каналом пополнения вооруженных сил была мобилизация дворянского сословия на военную службу. В отличие от податных сословий, для которых рекрутская повинность носила общинный, но не личный характер, дворянство привлекалось к личной поголовной и пожизненной службе.

Воинская повинность ложилась тяжелой ношей на все сословия. Вместе с тем рискнем заметить, что в наибольшей степени она давила на дворянство, ломая привычные устои его жизни. Так, к началу Северной войны служилый характер поместья был уже не более чем фикцией. По образному выражению И.Т. Посошкова, дворянство хотело «великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать»⁵. Заставить дворянина навсегда сменить домашний шлафрок на военный мундир можно было только, поместив его в перекрестие разных форм давления: силовых приемов, моральных и материальных стимулов, правовых санкций. В это «аккордное» воздействие входили указ о единонаследии от 1714 г. и разрешение приобретать недвижимость по истечении определенного стажа общественно-полезной деятельности, выталкивавшие молодых дворян на государственную службу. Однако в любом случае в системе мер, действующих на дворянство, преобладал язык ультиматумов и насилия. До известных пределов эта метода была эффективной. Если в середине XVII в. в армии числилось 16 980 дворян, то в начале XVIII в. — 30 тысяч⁶. Разница в цифрах связана не только и не столько с естественным приростом корпуса служилых по отечеству, сколько с всеохватывающим государственным учетом и контролем над отбытием дворянами воинской повинности.

Ужесточение норм дворянской службы шло сразу по нескольким линиям. Во-первых, снижался призывной возраст 16 лет до 13—14⁷. Во-вторых, периодическое исполнение воинского долга заменялось постоянной службой. В-третьих, осуществлялась максимально полная мобилизация на службу. Наибольшее неудобство, однако, заключалось в том, что эти требования угрожали экономическим основам существования дворянства. Оставшиеся без хозяйского попечения имения быстро приходили в упадок, либо служили обогащению приказчиков.

Установив служилый статус феодального землевладения, власть позаботилась и о том, чтобы посредством земельных раздач и конфискаций повысить качество дворянской службы. Так, например, за добросовестное исполнение воинского долга в пехотных и кавалерийских полках при Петре Великом получили поместья 34 иностранных полковника. По неполным данным за первую половину XVIII в. обширные земельные владения были розданы 80 лицам, причем наивысшая интенсивность таких раздач совпала по времени с созданием и «обкаткой» регулярной армии в 1700—1715 годы. Подобно тому, как наделение землей с крестьянами поощряло энтузиазм на служебном поприще, земельные конфискации, производившиеся через специальное учреждение — Канцелярию конфискации, служили радикальным средством расчета с теми, кто отказывался следовать

правительственным директивам. Лишь за первую половину XVIII в., по неполным данным, были ослаблены отпиской, либо вовсе ликвидированы 128 владений; при этом только у 8 владельцев за этот период времени было отобрано 175 тыс. крепостных крестьян⁸. Политика Петра I целенаправленно подрывала полуавтономное положение дворянства в социальном порядке и вовлекала его в полезную деятельность сугубо по правилам, предписанным верховной властью.

В этом отношении следует признать не слишком убедительным взгляд на этот предмет, который утвердился в отечественной историографии. Исходя из представления о самодержавии как органе диктатуры дворянства, со-

36

ветская историческая наука в свое время затратила немало усилий для того, чтобы подогнать под ту же схему и деятельность Петра I. В частности, в качестве иллюстрации тезиса о «классовом неравенстве» и «эксплуататорском обществе», упрочившихся при Петре I, приводился факт получения первого офицерского чина половиной дворянских служащих либо при поступлении в армию, либо через год после начала службы. Под тем же углом зрения освещалось и сравнительно медленное насыщение командной верхушки русской армии выходцами из податных сословий⁹. Некоторые авторы акцентировали внимание на высказывавшихся Петром I соображениях о том, чтобы «кроме гвардии, нигде дворянам в солдатах не быть», «нигде дворянским детям сначала не служить, только в гардемаринах и гвардии», о преимущественном зачислении в морскую гвардию царедворцев (то есть бывших служащих по московскому списку)¹⁰. Определенную дань этим оценочным суждениям отдал и английский исследователь Дж. Кип. По его мнению, установленная при Петре I процедура баллотирования соискателей офицерского звания в офицерском собрании полка позволяла скрытым консерваторам сдерживать карьерный натиск со стороны сослуживцев неблагородного происхождения¹¹. Однако такой подход представляется все же односторонним и предвзятым.

Даже при том, что Петру I скорее всего было безразлично, с каких стартовых позиций начинали свой служебный путь отпрыски благородных родов, а у защитников дворянских привилегий имелись определенные способы затормозить восхождение к высоким чинам ретивых «подлорожденных», вектор социального отбора на военной службе определялся не личными пристрастиями отдельных лиц, будь то даже сам царь. Решающим фактором был спрос поднимающейся армии и молодой державы на эффективные кадры, из каких бы страт они не исходили. Что касается использования дворянского потенциала, то весьма разборчивое отношение к нему явственно обозначилось уже на этапе становления регулярной армии. Лишь 6 тыс. из 30 тыс. числившихся на военной службе дворян вошли в состав высшего командного звена. А остальные, то есть основная масса, подвизались рядовыми и младшими командирами в пехоте и коннице¹². Наконец, призвав под знамена молодую дворянскую поросль, власть вовсе не

собиралась давать ей послабления. Перспектива выйти в офицеры большинству улыбалась не ранее чем через 5—6 лет службы в солдатах, что ставило их на одну ступень с бывшими холопами и крепостными. Вместо искусной имитации ратных трудов, когда дворянские ополченцы прежних времен во время боя отсиживались в лощинах, либо гнали впереди себя боевых холопов, либо подставлялись под легкое ранение ради почетного комиссования, теперь предлагалось реальное участие в боевых операциях, без подставных фигур и театральных эффектов. На протяжении всех войн петровского времени в повышенный тонус дворянство приводили царские распоряжения, звучавшие как грозный окрик для балованных чад знатных родителей. Так, в 1714 г. царь строго-настроено указывал, чтобы дети дворян и офицеров, не служивших солдатами в гвардии, «ни в какой офицерский чин не допускались», а также чтобы «чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить»¹³. Эта же установка, облеченная в форму закона, повторялась и в Табели о рангах (п. 8). Выказывая уважение к аристократическим титулам, законодатель все же настаивал на абсолютном приоритете чина и ранга, достигнутого на службе, над всеми прочими знаками достоинства: «однако ж мы для того никому какова рангу дать не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оные характера не получают»¹⁴.

Твердое намерение власти в отношении служилого дворянства состояло в том, чтобы поставить его в авангарде своих начинаний, установив соответствующую меру спроса. Принцип возрастающего наказания по мере повышения в чине и социальном статусе декларировался и в Воинском артикуле: «Коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оной и накажется. Ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать и собой

37

оказать, что оные чинить имеют»¹⁵. Таким образом, Петр I активно старался учесть в нормативных актах высказывавшееся им в частных беседах мнение, что «высокое происхождение — только счастливый случай, и не сопровождаемое заслугами учитываться не должно»¹⁶.

По мнению иностранцев, именно дворянство в наибольшей степени испытало на себе тяжелую длань окрепшего самодержавия: Петр I «подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода, упрятывал детей их в самые низкие должности, даже делал слугами в каютах». Впрочем, петровская перестройка коснулась не только тех дворян, которые отбывали службу, но и престарелых ветеранов, пребывавших на покое: невзирая на «страдания и вздохи», как писал Фоккеродт, царь переселил их в Петербург¹⁷.

Вместе с тем нетерпимость Петра I к благородным бонвиванам, анахоретам или непокорным отщепенцам еще не означала замаха на изменение сословной структуры общества. Петр I не был антидворянским царем, точно также как он не являлся и продворянским монархом. Он не изменил сословного деления общества и не посягнул на крепостное право ввиду того, что эти институты

представляли собой немалое удобство с точки зрения мобилизации всех наличных ресурсов для выполнения государственных программ. Однако он успешно осуществил другую, более локальную задачу — расширения каналов вертикальной мобильности и внедрения принципов меритократии в процессы социальной селекции и возвышения.

В 1695 г. был введен запрет на производство служилых людей в стольники и стряпчие. А в 1701 г., одновременно с началом создания регулярной армии, было приостановлено пожалование в московские чины. В противовес княжеским титулам были учреждены новые графские и баронские, которыми наделялись активные деятели реформ, зачастую совсем неблагородных кровей, а также ордена святых Андрея Первозванного и Александра Невского, которыми награждали особо отличившихся службистов. Параллельно корпус служащих обретал новую структуру, окончательно оформленную в 1722 г. в виде лестницы чинов и рангов¹⁸.

Людей, не погруженных в российскую реальность так глубоко, как подданные Петра I, крайне удивляла скорость освоения дворянством стандартов поведения, заложенных в чиновной субординации и уставах. Уже в 1709 г. датский посланник Ю. Юль засвидетельствовал глубокое проникновение начал чиновничества в строй межличностных отношений. По его отзыву, офицеры проявляли подобострастное почтение к генералам, «в руках которых находится вся их карьера»: они падают перед ними ниц на землю, прислуживают им за столом, наподобие лакеев. Иностранцы связывали этот феномен с личным примером царя, который последовательно прошел все ступени военно-морской карьеры, дослужившись в 1710 г. до звания шаутбенахта (чина, соответствующего контр-адмиралу). С немалой потехой Юль взирал на те сложные эволюции, которые в 1710 г. проделывал властелин огромной империи для того, чтобы получить от генерал-адмирала командование над бригантинами и малыми судами в предстоящем походе на Выборг. Датского посланника завораживала и та щепетильная уважительность к вышестоящему по званию и должности, которую неизменно демонстрировал Петр I. Приказы генерал-адмирала он выслушивал стоя, сняв головной убор, а после того, как приказ был отдан, надевал головной убор и старательно принимался за работу. Юль подмечал, что, находясь на судне, царь по собственной инициативе слагал с себя преимущества царского сана и требовал обращения с собой, как с шаутбенахтом. От внимания иностранцев не укрылся и тот факт, что в многочисленных поездках по стране Петр I выступал не в царском обличий и не под собственным именем, а в звании генерал-лейтенанта, предварительно получив подорожную от А.Д. Меншикова. Самоценность офицерского чина, всячески культивируемая царем, подкреплялась и весьма убедительным показом сопутствующих ему прав и льгот. Фактически офицерский чин

бронировал для его обладателя место в клубе избранных. Именно такой характер царь пытался придать офицерскому корпусу, неизменно посещая крестины, родины, свадьбы, похороны в домах

офицеров, в том числе младших, всегда, когда оказывался поблизости¹⁹.

Царские резиденции в новой столице отстраивались в окружении жилищ офицерских семей, лишней раз подчеркивая тем самым тесную взаимосвязь и высокую доверительность отношений. Обязательное включение офицеров в список гостей на придворных торжествах и церемониях, распространение на членов их семей почестей, сопряженных с чином, поручения по управлению отдельными территориями, учреждениями, социальными группами с установлением в ряде случаев верховенства над бюрократическими инстанциями — все это утверждало офицерскую организацию в качестве ведущей референтной группы в общем корпусе государственных служащих. В 1714 г. дворянам с офицерским званием царь приказал называться не шляхтичами, как гражданским лицам, а офицерами, тем самым однозначно поставив принцип выслуги выше принципа благородства по рождению, а офицерское звание выше аристократического титула²⁰.

Впрочем, прокламированный государственной властью престиж был не единственным притягательным магнитом, который влек в офицерский корпус любого новичка, вступавшего на стезю карьеры. Кураж молодого службиста серьезно подстегивался материальными стимулами, в особенности много значившими для вчерашних крепостных, холопов, «вольницы» без кола и без двора. Для подавляющего большинства из них с первых же дней армия предоставляла, пусть небезопасное, зато надежное убежище от голода, холода и прочих напастей, подстерегавших маргинала на крутых маршрутах жизненного пути. Принимая под свое покровительство весь этот разношерстный сброд, верховная власть и военное командование гарантировали ему крышу над головой, обмундирование и отличное довольствие. Суточная норма солдатского порциона состояла из двух фунтов (820 г) хлеба, фунта (410 г) мяса, двух чарок (0,24 л) вина, гарнца (3,3 л) пива. Кроме того, ежемесячно выдавалось по 1,5 гарнца крупы и 2 фунта соли. По мере повышения в звании размер порциона возрастал едва ли не в геометрической прогрессии. Так, прапорщику на день полагалось 5 таких пайков, капитану — 15, полковнику — 50, генерал-фельдмаршалу — 200. В кавалерии к порциону добавлялся рацион — годовая норма фуражного довольствия для лошади. (Для капитана предусматривалась выдача от 5 до 20 рационов, для полковника — от 17 до 55, для генерал-фельдмаршала — 200²¹.)

Солдат петровской армии получал денежное вознаграждение в размере 10 руб. 32 коп. годовых, в кавалерии — 12 рублей²². Такое же жалованье выплачивалось в гвардейских частях, однако, старослужащие солдаты гвардии получали двойное содержание, а их женам отпускатось месячное довольствие — хлеб и мука. Жалованье офицера было солидным: поручику платили 80 руб. в год, майору — 140 руб., полковнику — 300, а полному генералу — 3600 рублей. Характерно, что за время петровского царствования жалованье офицерам пересматривалось в сторону повышения пять раз²³! Возможность быстро выправить свое материальное и социальное положение определялась тем, что еще по ходу тяжелых боевых действий первой половины Северной войны, Петр I ввел порядок производства в офицеры за доблесть и мужество в бою. А уже в 1721 г.

специальным указом царя было узаконено правило включения обер-офицеров с их потомством в состав дворянского сословия²⁴. Годом позже этот принцип был закреплён в Табели о рангах: отныне любой военнотружущий, достигший первого обер-офицерского звания прапорщика обретал права потомственного дворянства.

Революционное значение этих новаций в полном объёме можно оценить лишь с учётом того факта, что по каналам рекрутчины и вольного найма в армию вливались представители социальных потоков, безнадежно забракованных в своих прежних популяциях. Крестьянская община, занимавшаяся с 1705 г. раскладкой рекрутской повинности, очень быстро превратила

39

последнюю в канализационный сток для девиантов, являвшихся бельмом на глазу у сельского мира: пьяниц, бузотеров, туенядцев, воров, сутяг. Эту тенденцию всячески поддерживала и помещная администрация, требовавшая избавления поселений при помощи рекрутчины от людей с уголовными наклонностями и неуживчивым характером. Сельские власти старались сбывать с рук нетягоспособных крестьян, рассматривавшихся как балласт при распределении налогов и повинностей внутри общины²⁵. Ещё более клейменная публика притекала в армию через прием разгульной «вольницы», впитывавшей в себя наиболее криминогенный субстрат.

Собрав под военными знаменами социальных париев, армия не только выводила их из социального тупика, но и вручала мандат на неограниченный рост в чинах и званиях. Это решение принесло абсолютный выигрыш как обществу, частично разгрузившемуся от переизбытка правонарушителей, так и армии, получившей в свое распоряжение мощный костяк из людей, готовых поставить на кон собственную жизнь ради шанса вырваться из приниженного социального положения. Уже к концу Северной войны в руководящем составе русской армии, главным образом в пехоте, насчитывалось 13,9% выходцев из податных сословий. 1,7% состояли в командной верхушке самого аристократического рода войск — кавалерии²⁶. А в элитных гвардейских полках — Семеновском и Преображенском — их удельный вес достигал 56,5% (в рядовом составе он доходил до 59%, а у унтер-офицеров - 27%)²⁷.

Достижимый статус облегчался и тем, что широкая кость простолюдина, закаленного своим прошлым существованием, лучше, чем тонкая дворянская «косточка», приспособлялась к тем перегрузкам, которые приходились на сражающуюся армию молодой державы. Юль, наблюдая русскую армию в различных перипетиях ее боевой деятельности, выделял как две стороны одной медали: склонность к буйству, проступавшую в особенности на оккупированной территории в моменты ослабления начальственного контроля, и готовность к преодолению любых препятствий при исполнении приказов командования²⁸.

Помещенное в общую среду обитания с «отбросами» общества и в сферу действия единых стандартов службы, родовое дворянство испытало тяжелый психологический шок. Отголоски сильнейших переживаний и злопыхательства по этому поводу доносились из аристократических

кабинетов и гостиных и в конце XVIII века. Тираническим произволом княгиня Е.Р. Дашкова считала приобщение дворян к азам рабочих профессий на службе, так как это уничтожало различия между благородной и плебейской кровью²⁹. А просвещенный консерватор М.М. Щербатов усматривал величайшую несправедливость в том, что «вместе с холопами... писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам, пристойных их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялися начальниками господам своим и бивали их палками»³⁰.

Однако именно в этом, доселе незнакомом дворянству ощущении зависти и ревности к успехам своих «подлорожденных» сослуживцев был сокрыт могучий источник социального преобразования. Если указы, насылавшие кары за уклонение дворян от дела, обеспечивали его физическую явку в воинские части, то совместная служба с напиравшими простолюдинами навязывала соревновательную гонку. Иными словами, она пробуждала в любом дворянине начала здоровой конкуренции и карьеризма, которые пребывали в дремотном состоянии вследствие закоренелой местнической традиции. Ведя коварную игру с привилегиями старинного шляхетства, петровская практика ставила его перед необходимостью подтвердить нелегкими трудами свое первенствующее положение среди остальных сословных групп. Острота ситуации заключалась в том, что состязательная борьба требовала от дворянства, переступая через свое естество, перенимать те качества, которые обуславливали высокую конкурентоспособность армейских выдвиженцев из социальных низов: отвязанную смелость вчерашнего подранка, стойкое перенесение не-

40

взгод, быструю практическую обучаемость, мощный посыл к ускоренному движению вверх по лестнице чинов.

Тонкий расчет, заложенный в петровскую программу подготовки и переподготовки кадров, видели и понимали некоторые из наиболее проницательных политических «обозревателей». Дипломатический агент австрийского двора О.А. Плейер в 1710 г. доносил своему государю о чудодейственном средстве, изобретенном русским царем для максимизации отдачи от своих военнослужащих. По его словам, наказывая нерадивых и публично вознаграждая храбрых и добросовестных, «он внушил большинству русских господ самолюбие и соревнование, да сделал еще и то, что, когда они теперь беседуют имеете, пьют и курят табак, то больше уже не ведут таких гнусных и похабных разговоров, а рассказывают о том и другом сражении, об оказанных тем или другим лицом хороших и дурных поступках при этом, либо о поенных науках»³¹.

Датский посланник Юль, внимательно следивший в 1709 г. за учениями русских пехотинцев, признавал, что они могут дать фору любому европейскому войску. В письме к коллеге в Дании дипломат писал, что «датский король давно бы изменил политику, если б имел верные сведения о состоянии царской армии». А после Прутского похода он во всеуслышание заявлял, что не знает другой армии, которая выдержала бы все неисчислимые бедствия, щипавшие на долю русских солдат и

офицеров во время этого злключения³². Вывод Юля подтверждал его личный секретарь Р. Эребо, пораженный общностью нестерпимых лишений, которые делили все участники похода — от первых генералов до последнего рядового. В качестве примера беспредельной выносливости русской армии Эребо приводил обеденное меню из «блюда гороха с пометом саранчи, постоянно в него падавшим», которым благодарно довольствовались на марше русские генералы³³.

Однако, пожалуй, самое огушительное впечатление произвело русское воинство на шведов. Переоценив значение своей победы под Нарвой в 1700 г., Карл XII переключил внимание на других участников антишведской коалиции и упустил из виду рывок своего русского противника, сделанный между 1700—1709 годами. Взяв на вооружение сильные стороны каролинской армии — динамичное наступление с непрерывным движением и ведением огня, а также кавалерийскую атаку в сверхплотном строю — «колени за колени», русская армия, по оценке шведских историков, сравнялась со шведами в технике боя и в то же время превзошла их своей волей к победе и профессиональной ответственностью. Различие между этими армиями было тем более разительным, что в технологии их строительства было немало схожего. Подобно тому, как это было заведено Петром Великим, шведская армия еще с XVII в. комплектовалась за счет поселенной рекрутской системы, при которой поставки солдат и содержание армии были возложены на гражданское население. Так же, как это позднее произошло и в России, в угоду военным потребностям государства в Швеции были урезаны привилегии дворян. В 1680 г. была произведена редукция дворянских земельных владений и упразднены их иммунитетные права. В 1712 г. на дворян был распространен чрезвычайный поимущественный налог³⁴. Кроме того, Карл XII, прирожденный воин, умел возбудить в своих подданных страсть к военному ремеслу и жажду военных трофеев³⁵. Однако участие в боевых операциях не открывало никаких новых социальных перспектив перед лично свободным шведским крестьянином и тем более перед дворянином, а по мере затягивания войны вообще воспринималось как бессмысленное и неблагодарное занятие. Совсем иначе — в России. Установив, с одной стороны, сверхвысокие ставки вознаграждения за доблестный ратный труд, и сверхвысокие риски утраты всех прав за его профанацию, с другой стороны, Петр I создал между этим и полюсами поле напряженности, в котором буквально кристаллизовались военные таланты.

Примечательно, что выдержавшее экзамен на социальную и профессиональную пригодность дворянство не только не возводило хулу на преобразо-

вателя, но и внесло решающую лепту в романтизацию эпохи и создание культа Петра Великого. Идея метаморфозиса, или преобразования под действием преодоленных трудностей, явно или имплицитно, вошла в дворянское понимание человеческой ценности. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания и поступки деятелей петровской и послепетровской эпохи. Так,

получая в 1721 г. назначение на рискованное, если не сказать, зловещее место российского резидента в Стамбуле, морской офицер И. И. Неплюев бросился благодарить царя за оказанное доверие. Вот как он сам впоследствии описывал свой порыв: «Я упал ему, государю, в ноги и, охватя оные, целовал и плакал». А еще через некоторое время он писал с нового места службы своему покровителю Г.П. Чернышеву: «Ныне же нахожусь... отпуская ... курьера и во ожидании — как мои дела приняты будут, в безмерном страхе, и, если оные, к несчастью моему, не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истине я жить более не желаю»³⁶.

Несколько десятилетий спустя, отправляя этого сановника по его собственному желанию на заслуженный отдых, императрица Екатерина II попросила его кого-нибудь рекомендовать на свое место. На это престарелый ветеран прямодушно ответил: «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться»³⁷. Позицию младших «птенцов гнезда Петрова» очень точно отражало и сообщение В.А. Нащокина, начавшего свою военную карьеру в 1719 г., о горьких сегованиях в кругу его юных сослуживцев на то, что застали лишь финал героической эпохи, в то время как их отцы сложились и возмужали в ней: «Блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великого, а мы только его видели, чтоб о нем плакать»³⁸.

Процесс перевоспитания личности, или попросту, говоря словами самого Петра I, «обращения скотов в людей»³⁹, проходил через всю систему социальных связей и положений, в которые помещался военнотрудовой. Азбучную грамоту взаимодействия с непохожим на себя социальным субъектом дворянин усваивал из военного законодательства. Еще в 1696 г. указами царя офицерству воспрещалось пользоваться трудом нижних чинов в личных целях⁴⁰. Для услужения офицерам в приватной жизни вводился институт денщиков. Воинский артикул 1715 г. вводил особую шкалу санкций за превышение полномочий в обращении с подчиненными. За отдачу приказа, не относящегося к «службе его величества», офицер подлежал наказанию по воинскому суду (артикул № 53). За принуждение солдат «к своей партикулярной службе и пользе, хотя с платежом или без платежа», офицеру угрожало лишение чести, чина и имения (артикул № 54). Добровольная работа солдат на офицера по портновскому или сапожному ремеслу допускалась, но только в свободное время, с разрешения начальства и с обязательным условием оплаты этих услуг (артикул № 55).

Закон ограждал солдат и от офицерского произвола: за нанесение побоев «без важных и пристойных причин, которые к службе его величества не касаются», офицер должен был ответить перед воинским судом, а за неоднократные проявления подобной жестокости лишался чина (артикул № 33). За убийство подчиненного, преднамеренное или непреднамеренное, офицер приговаривался к смертной казни через отсечение головы. Если же смерть подчиненного произошла в результате справедливо понесенного, но чрезмерно жестокого наказания, командир подлежал разжалованию,

денежному штрафу или тюремному заключению (артикул № 154). Разворовывание жалованья, провианта, удержание сверх положенных сумм мундирных денег каралось лишением офицера чина, ссылкой на галеры или даже смертной казнью (артикул № 66). Офицеру так же возбранялось отнимать у своих подчиненных взятые на войне трофеи (артикул № 110)⁴¹.

Петровское военное законодательство старательно пыталось вытравить помещичьи замашки из привычек дворян-офицеров. Остальное доделывали

42

принцип выслуги, положенный в основу продвижения для любого военнослужащего, и общность фронтовой судьбы, заставлявшей тянуть лямку благородному бок о бок с «подлорожденным». Потенциальная возможность для рядового из социальных низов дослужиться до офицерского звания выбивала из рук родовитого дворянства последний козырь безраздельной исключительности и умеряла сословную спесь. А тяготы и опасности бесконечной походной жизни склоняли любого природного шляхтича к тому, чтобы увидеть в своем незначительном сослуживце не бессловесную тварь, а боевого товарища. Высокая интенсивность военных действий, сопутствующая всему петровскому царствованию, придавала особый динамизм становлению военно-корпоративного единства.

Иностранцы подмечали особую манеру русских командиров высокого ранга во внеслужебной обстановке держаться запанибрата с самыми младшими из своих подчиненных. Такое поведение, как считал Юль, в Дании — более свободной и цивилизованной стране чем Россия, «считалось бы неприличным и для простого капрала»⁴². Однако в России оно воспринималось как само собой разумеющееся и распространялось на отношения младших офицеров и солдат. Между тем реалии, которые, на первый взгляд, отменяли субординационные образцы отношений, на самом деле тесно уживались с ними, придавая лишь некоторый национальный колорит универсальной модели. Феномен, выпадавший, с точки зрения сторонних наблюдателей, из общего ряда, находит свое прямое объяснение в социальной психологии. Б.Ф. Поршнев подчеркивал унификацию социально-психических процессов, побуждений, линии поведения внутри дифференцированной общности в условиях противостояния враждебным силам. Перед лицом конкретного противника субординационная огранка отношений и иерархическая структура большого коллектива, вроде армии, неизбежно тускнеют: «чем определеннее и ограниченнее «они», тем однороднее, сплошнее общность и соответственно более осязаемо ощущение «мы»⁴³.

Почти полное равенство шансов и возможностей при формировании корпуса военнослужащих было тесно связано с возросшими возможностями власти. Опыт Петра Великого показывал, что во многих случаях авторитарная власть была склонна направлять свои полномочия на благо всему социуму, быстро и эффективно справляясь с наиболее патогенными зонами внутри него.

Вытолкнув дворянство из родовых гнезд и вытянув его по струнке военных уставов,

правительственная власть устранила опасность превращения его в злокачественный нарост на государственном теле. Военное строительство Петра I повлекло за собой окончательную и бесповоротную ресоциализацию дворянства. Ее важнейшим итогом стало насильственное разрешение межролевого конфликта, в котором постоянно сталкивались интересы помещика-землевладельца и служилого человека. Выдавленное из своих имений дворянство быстро осваивало новые стандарты поведения, училось подходить к событиям не по меркам местнических отношений и локального сообщества, а с точки зрения общегосударственных интересов. Старавшийся дезавуировать дела Петра I князь Щербатов мог привести в пользу своей точки зрения — о приоритете государственного подхода в поступках старомосковской боярской знати — всего лишь два—три примера (о стойкости московского посла Афанасия Нагого в плену у крымского хана, да о сбережении государственной казны боярином П.И. Прозоровским)⁴⁴. Между тем, примеры жертовного патриотизма дворян в петровскую и послепетровскую эпоху исчислялись тысячами.

В сознании дворянства — и родового, и выслуженного — прочно утвердился государственнический этос, положенный на целый свод правил поведения. В данной системе координат чин рассматривался лишь как некий агрегирующий показатель полезной деятельности, а сама служба — как единственный тест ценных качеств личности. Отсюда вытекали и ее идеальные каноны: начинать служебный путь с самых низших ступеней, без нытья брать трудные барьеры, не заискивать перед сильными мира сего, не ронять воин-

43

ской чести не только на поле брани, но и на житейском поприще. Впитывая из семейных преданий образцы воинской доблести, любой юный дворянин мерил по ним и собственные достижения. Ветеран всех российских войн конца XVIII — начала XIX вв. полковник М.М. Петров рассказывал об отцовском наказе, данным ему и брату в придачу к фамильной дворянской грамоте: «Посмотрите — этот пергамент обложен кругом рисовкою по большей части полковыми знаменами, штандартами и корабельными флагами, обставленными военным оружием, и атлас, его покрывающий... предназначает огненно-красным цветом своим уплату за эту честь огнем и кровию войн под знаменами Отечества»⁴⁵.

Интересно, что в условиях послепетровского смягчения дворянской службы дворяне самого младшего поколения порой проявляли себя большими максималистами по части соблюдения петровских традиций, чем их старшие родичи. Так, генерал П.И. Панин, будущий покоритель Бендер в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., был отдан в службу в возрасте 14 лет, но через несколько месяцев был возвращен отцом домой уже для «заочного» роста в чинах. Однако родительское решение привело в негодование подростка, заявившего, что оно «ввергает его в стыд и презрение подчиненных его чину; что он звания своего меньше еще знает, нежели они, и что он будет их учеником, а не они будут его учениками»⁴⁶. «Доброе намерение, труды и прилежание» —

девиз братьев П.И. и Н. И. Паниных — разделялся большинством честных и толковых дворянских служивых XVIII—XIX веков.

Однако радикальный пересмотр норм и рамок деятельности служилого корпуса был отнюдь не единственным следствием петровского военного строительства. Сильные токи от него шли в сельскую глубинку. Здесь ключевая роль принадлежала военному присутствию, которое делало непрерывными контакты военных и гражданских общностей. В 1718 г., с началом работы военных ревизоров, армия была придвинута к местам расселения основной массы налогоплательщиков. С 1724 г. началось планомерное расселение полков по провинциям, где им предстояло собирать подушные деньги на свое содержание. За самое короткое время военный элемент столь прочно вписался в сельский ландшафт, что даже последующие правительственные попытки его оттуда исторгнуть оказались безрезультатными.

Указами от 9 и 24 февраля 1727 г. армейские части подлежали выводу из сельской местности в города, а их функции по сбору податей передавались воеводам. Однако почти сразу же власть убедилась в неравноценности произведенной замены и снова обратилась к услугам военных. В январе 1728 г. в помощь губернаторам и воеводам от полков выделялось по одному обер-офицеру с капралом и 16 солдатами в каждый дистрикт, соответственно месту приписки полка. Через два года количество военнотружущих, находящихся у сбора налогов, удваивалось. А в мае 1736 г. сенатским указом Военной коллегии предписывалось выделить еще 10—20 человек сверхкомплектных военнотружущих в каждую губернию. Кроме того, к губернским и провинциальным канцеляриям систематически отсылались военные команды, специализирующиеся на понуждении к уплате подушных денег и взыскании недоимок. Таким образом, стремление послепетровской власти противостоять наплыву служащих действующей армии в зону ответственности местной администрации показало свою преждевременность. Отчасти эту проблему удалось решить только в 1763 г., когда обязанности военных команд при сборе подушной подати перешли к воеводским товарищам ⁴⁷. На протяжении четырех десятилетий порядок взимания подушной подати поддерживал высокую интенсивность контактов военнотружущих с гражданским населением. До 1731 г. они строились в соответствии с тремя приемами в сборе налога: в январе—феврале, марте—апреле, октябре—ноябре. В 1731г. время нахождения воинских команд в селах ограничивалось двумя, хотя и более удлиненными, сроками: январь—март и сентябрь—декабрь. Таким образом, почти круглый год, за вычетом времени посевной и летней страды, земледелец становился вынужденным клиентом военных.

Кроме необходимости уплаты налогов, тесное общение обуславливалось и размещением армии по «квартирам» в местах расселения сельских жителей. Первоначальный замысел Петра I состоял в том, чтобы силами крестьян отстроить ротные слободы и полковые дворы, расположенные

обособленно от гражданских поселений. В этих целях местным жителям предписывалось закупить и доставить строительные материалы, а солдатам оперативно приступить к строительным работам с таким расчетом, чтобы сдать объекты в 1726 году. На первое время разрешалось проживание военных у крестьян. Однако вскоре обнаружилась невыполнимость этого плана: отягощенное другими поборами крестьянство оказалось не в состоянии обеспечить заготовку строительных материалов. Поэтому, реагируя на сигналы с мест, указом от 12 февраля 1725 г. правительство отменяло свое прежнее распоряжение об обязательном возведении ротных слобод и санкционировало подселение военнослужащих в качестве постояльцев к обывателям⁴⁸.

Таким образом, вторичное войсковое нашествие в уезды ознаменовалось и новым масштабным воссоединением с гражданским населением. Отсутствие казенных средств на постройку казарм и жилых военных анклавов в уездах, свернутое строительство ротных слобод делало на длительное время систему постоя практически единственным возможным способом обустройства военнослужащих. Несмотря на принятый военной комиссией 1763—1764 гг. план перевода войск в казарменные корпуса вокруг специально организованных лагерей, положение дел не менялось до начала XIX в., а во многих случаях и позднее⁴⁹. А «Плакат о сборе подушном и протчем» от 26 июня 1724 г., регламентировавший отношения военнослужащих и местных жителей, по большинству пунктов оставался в силе и после Петра I. Предусматривая самые разнообразные финансовые, юридические, житейско-бытовые ситуации, связанные с сосуществованием военных и гражданских лиц, этот документ воссоздавал объемную картину военного присутствия на местах.

Продолжая линию более ранних актов военного законодательства на защиту мирного селянина от притеснений военных, «Плакат» стремился предотвратить разбой военных чинов. Законодатель запрещал им вмешиваться в ход сельскохозяйственных работ, ловить рыбу, рубить лес, охотиться на зверя в тех местах, которые служили нуждам жителей. Подводы, натуральные сборы, отработочные повинности, которые сверх подушной подати налагались на население, подлежали оплате. При отсутствии денежных средств для оплаты фуража и провианта военным командирам полагалось выдать поставщику зачетную квитанцию, засчитывавшую сданные продукты как часть подушной подати⁵⁰. В послепетровское время обеспечение армии довольствием путем сборов с местного населения заменялось централизованными закупками у помещиков с последующим распределением по военным частям через склады-магазины⁵¹.

Закон разрешал местным жителям, чьи хозяйственные интересы были ущемлены, обжаловать неправомерные действия военных перед полковым начальством⁵². Разрешая искать управу на бесцеремонных квартирантов у войскового командования, «Плакат» утверждал принцип двусторонности отношений военных и гражданских лиц. Разумеется, в реальной действительности предписанные нормы взаимодействия могли подвергаться искажениям. Скажем, знаменитый прожектер и публицист петровского времени И.Т. Посошков горько жаловался на бесчинства военных, вспоминая как в 1721 г. его с женой выбивал «из хором» капитан Преображенского полка И.

Невесельский, а другой военный чин — полковник Д. Порецкий «похвалялся... посадить на шпагу». Подал же челобитную на самоуправство полковника, он так и не добился правды: оказалось, что тот подсуден Военной коллегии, а не местной власти. Свое разочарование Посошков изливал в пессимистической сентенции: «Только что в обидах своих жалуйся на служивой чин богу»⁵³.

Вполне очевидно, что большое коммунальное хозяйство, в которое вовлекались военные и гражданские ячейки, не обходилось без свар. Однако в любом случае такое общежитие диктовало необходимость взаимной притир-

45

ки и выработки неформального устава. Густая паутина отношений возникала по ходу таких рутинных занятий, как выпас скота, заготовка сена и дров. Общие будничные заботы содействовали обмену опытом. Не случайно через посредничество военных законодатель стремился передать в крестьянскую массу полезные хозяйственные навыки. Еще более плотное общение оформлялось в рамках совместного проживания солдат и унтер-офицеров под одним кровом с крестьянами или же их найма на вольные сезонные работы в зажиточные крестьянские хозяйства. Некоторые из этих подрядов завершались брачными союзами, при этом закон указывал помещику не чинить препятствий в женитьбе на крепостной женщине военнотружущего, если тот был готов уплатить за нее положенную сумму «вывода», то есть покупки вольной⁵⁴.

Наконец, пребывание военных среди сельского населения принесло с собой и первый опыт межсословной кооперации. Поставленная Петром I задача постройки полковых дворов и ротных слобод повлекла за собой череду областных съездов, на которые делегировались уполномоченные от всех проживающих в областях групп населения. Иллюстрацией представительности этих собраний может служить списочный состав депутатов кашинского дистрикта угличской провинции. Среди 170 человек, съехавшихся в марте 1725 г. обсуждать выдвинутое правительством условие, присутствовали: представители церковного землевладения, депутаты от землепашцев монастырских вотчин, 13 мелкопоместных дворян, управляющие от крупных землевладельцев, крестьяне и приказчики от дворцовых вотчин, государственных деревень, крестьяне и даже холопы от владельческих имений. М.М. Богословский, современник становления органов сословного самоуправления в пореформенной России, сравнивал их со съездами, порожденными петровским военным строительством, и находил много общего⁵⁵.

Важным элементом сословного сотрудничества становилось и ответственное участие дворянства: не вкладываясь в отличие от тяглых сословий материально в общее дело, оно тем не менее исправно поставляло из своих рядов выборных должностных лиц — земских комиссаров. Последние служили в качестве надзирателей за строительством военных объектов, уполномоченных от общества по сбору подушной подати, раскладке постоянной и подводной повинностей, организаторов полицейского порядка и были подотчетны областным съездам. Удачное сочетание обстоятельств, при

котором полковое начальство следило за регулярностью проведения съездов и выборами земских комиссаров, понуждало их к деятельности, а качество их работы оценивало само общество, помогало устояться этому эксперименту. Несмотря на прекращение строительной «лихорадки» после Петра I, должность выборного земского комиссара была подтверждена правительственными актами в 1727 году⁵⁶.

Военно-гражданское взаимодействие продолжалось в рамках трудовых мобилизаций. Военные приводили в движение и организовывали потоки граждан, в принудительном порядке привлекаемых к военно-строительным работам. Собственно, подобными эпизодами пронизана вся эпоха Петра I, начиная со сгона в село Преображенское, а потом в Воронеж в конце XVII в. тысяч окрестных жителей, главным образом крестьян, для постройки военных судов. После завоевания Азова к корабельной повинности были привлечены монастыри, служилые люди, купцы. Последние в обязательном порядке записывались в «кумпанства» (в качестве санкции за отказ назначалась конфискация имущества). Однако наибольший груз таких «совместных проектов» ощущало на себе крестьянство, поделенное на определенные количественные группы (обычно по тысяче человек) поставщиков материалов для постройки одного корабля. При взятом государстве темпе на руках тягловцев не успевали зажить мозоли между очередными работами по возведению укреплений, рытью каналов, прокладке дорог, постройке общественных зданий.

С 1702 г. по «разнорядке» властей десятки тысяч крестьян прибывали на строительные работы в Петербург, Кронштадт. Трудовая повинность, падавшая на «посоху» (то есть крестьян прилегающих к стройке уездов) в прежние

46

времена, как отмечает Е.В. Анисимов, носила эпизодический характер и никогда не охватывала территории всей страны — от Смоленского уезда до Сибири. Постоянной и всеохватывающей она стала только при Петре I. Ежегодно работники из разных уездов направлялись в двухмесячные командировки по заданному адресу. В Петербург каждое лето их стекалось не менее 40 тыс.. человек⁵⁷. В каждом подобном эпизоде участия в жизнеобеспечении армии, флота, возведении государственных специальных объектов крестьянину приходилось включаться в коллективы военные или в гражданские, руководимые военными специалистами. В любом случае общиннику — крестьянину или жителю городской слободы — здесь впервые доводилось окунуться в мир иных привычек и требований, нежели тот, в котором протекала его прошлая повседневность.

Помимо овладения новыми производственными технологиями, с помощью армейского аппарата крестьяне впервые приобщались к режиму суточного времени. И это имело значение не меньшее, чем первое обретение. Привязанный к годовому природному циклу или календарю церковных праздников, крестьянский мир не знал учащенной пульсации времени. Рассадниками другой, рациональной парадигмы использования времени — с жестким распорядком всех затрат —

были рабочие статуты, действовавшие в и ранах- пионерах первоначального накопления с XIV по XIX век. В XVIII в. рабочие статуты, составлявшиеся чиновниками, дополнили графики рабочего времени, создававшиеся предпринимателями⁵⁸. В России распространителями учетного и подотчетного времени стали армейцы — прорабы больших и малых строек подхлестываемой войной модернизации Петра. Незаметно для участников этой гонки в ее недра просачивались передовые элементы организации труда. А в наиболее застойных сегментах общества в известном смысле заблаговременно подготавливался резерв индустриального общества.

Пересечение путей селянина и военного либо по маршрутам движения и местам дислокации армии, либо на строительных площадках и корабельных верфях имело далеко идущие последствия. Разнесенное по своим клеткам-общинам, крестьянство здесь впервые переходило границы привычных отношений с привычным набором местных контрагентов (помещика, управляющего, приказчика, попа). Втягиваясь в коммуникации, настоятельно требовавших принятия роли «другого», оно овладевало механикой отношений поверх социальных барьеров. По тонкому наблюдению мексиканского философа XX в., Л. Сеа, «человек, встретивший другого человека, нуждается в нем для того, чтобы осознать свое собственное существование, как же, как тот другой, осознает и делает осознанным существование первого»⁵⁹. Именно такой опыт и позволяет разным социальным персонажам вступать в диалог друг с другом и выстраивать отношения, основанные на взаимопонимании и сопереживании. По словам французского специалиста по сельской социологии, А. Мендра, навык подобного общения не знаком традиционному крестьянскому сообществу: для того, чтобы поддерживать отношения там, где о другом все наперед известно, вовсе не обязательно ставить себя на его место. Наоборот, в индустриальных обществах с множеством свойственных им ролей без этой практики было не обойтись⁶⁰. Итак, в русском крестьянском быту доиндустриальной эпохи намечалась боковая ветвь социализации, отклонявшаяся от накатанных схем общества — гемайншафта. В этом плане армейскую машину на местах можно сравнить с разрыхлителем наиболее жестких и непроницаемых из локальных структур. Таким образом, еще до этого, партикуляризм местных сообществ (так называемых изолятов — по терминологии социологов) был взломан рождением всероссийского рынка, индустриализацией первой волны и целенаправленной политикой власти, подготовительная работа была уже проделана военно-гражданским симбиозом, заложенным Петром I.

Пожалуй, в этой плоскости следует искать разгадку парадоксальной коммерциализации российского крестьянства в XVIII — первой половине XIX в.,

протекавшей на фоне ужесточения крепостного права, сохранения сословной парадигмы общества, замедленной урбанизации. Так, скажем, в 1722— 1785 гг. сложилась и активно заявила о себе такая сословная группа, как «торгующие крестьяне», занимавшиеся доходной коммерцией, хотя и без

закрепления в городе. Непрерывно, несмотря на трудные условия перехода в сословия мещан и купцов, рос поток переселенцев из деревни в город: в 1719—1744 гг. он составлял — 2 тыс. человек, в 1782—1811 гг. — 25 тыс., в 1816—1842 гг. — уже 450 тыс. человек. Показательна и другая тенденция: неуклонное увеличение доли деревни по отношению к доле города в сосредоточении промышленных предприятий и рабочей силы в XVIII века⁶¹.

Крестьянское предпринимательство в стране с крепостным правом неизменно удивляло иностранных наблюдателей — от путешественников до исследователей. По компетентному мнению мастера сравнительно-исторического изучения Ф. Броделя, «кишевшие в мелкой и средней торговле крестьяне характеризовали некую весьма своеобразную атмосферу крепостничества в России. Счастливый или несчастный, но класс крепостных не был замкнут в деревенской самодостаточности»⁶². По-видимому, традиционное объяснение данного феномена — ростом денежной феодальной ренты, государственных податей в XVIII в. (в частности, подушной подати), вынужденной активизацией неземледельческих промыслов крепких крестьянских хозяйств при нивелирующих установках передельной общины в сельском хозяйстве, влиянием дворянского предпринимательства — недостаточно. Перечисленные факторы указывают скорее на возможную экономическую мотивацию крестьянских миграций и коммерческих занятий, однако, не проливают свет на ту внутреннюю предрасположенность к ним, без которой желаемое не могло превратиться в действительное.

Не пытаясь свести весь многосложный процесс крестьянского предпринимательства к единственной причине военно-гражданского симбиоза, все же попробуем уточнить ее вес, смоделировав ситуацию от «обратного». Такая возможность открывается из сравнения с польским крестьянством XVIII — начала XIX века. Не зараженного никакими особыми предубеждениями иностранца неизменно изумляла его погруженность в блокадное существование: из всех социальных персонажей, кроме себе подобных, польский крестьянин знал лишь своего пана и не имел понятия о государстве⁶³. Княгиня Е.Р. Дашкова, получившая от Екатерины II богатые имения опального графа Огинского, застала в них сонное царство убогих поселян. На фоне ее великорусских крепостных, которые даже из далеких новгородских сел умудрялись возить на московскую ярмарку изделия собственного производства, польские шокировали своим растительным существованием⁶⁴. Эта же неповоротливость польского крестьянина дала о себе знать на этапе перехода к капиталистическим отношениям: в этом процессе задавали тон королевские и крупные мещанские мануфактуры, помещичьи фольварки, а польский крестьянин (кстати, освобожденный от крепостной зависимости в 1807 г., на полстолетия раньше русского) плелся в хвосте⁶⁵. Жалкое положение польского крестьянства бросалось в глаза и русскому офицерству, прошедшему вместе с армией через территорию герцогства Варшавского на обратном пути из заграничного похода⁶⁶.

Точно также в среде польских крестьян идея государства постепенно обесценивалась. Напротив, в русском крестьянстве, во многом благодаря той же армии она неуклонно поднималась в

своим значением. Армия, наиболее подвижная и связанная с государственным аппаратом российская организация, отчасти подменяла собой еще не существовавшие средства массовой коммуникации. Подобно странствующим проповедникам, коммивояжерам и бродячим артистам, военные, которые несли на подошвах своих сапог пыль дальних странствий, утоляли информационный голод местного населения. Они же служили его приобщению к государственной политике, которая порождала массу легенд и противоречивых толков. Нередко поставлявшая материал для репрессивно-карательных органов по линии печально знаме-

48

нитого «государева слова и дела»⁶⁷, подобная форма политизации все же неуклонно подтачивала отчужденность социальных низов от той жизни, которая кипела за географическими границами их локальных мирков. Похожий механизм беспроводного телеграфа, стягивающего по ходу движения военных отрядов оторванные друг от друга районы в единое информационное поле, хорошо описан солдатом первой мировой войны — французским историком Марком Блоком. По его словам, «на военных картах, чуть позади соединяющих черточек, указывающих передовые позиции, можно нанести сплошь заштрихованную полосу — зону формирования легенд»⁶⁸. И если для большинства европейских стран нового времени армейцы как посредники в информационном обмене регионов все же были знаменем военного времени, то для России — длительным, если не постоянным явлением. Разумеется, в таких несовершенных линиях передач возникали шумы и помехи. Тем не менее они служили освоению значительного массива фактов, отфильтрованных задачами государственного строительства, экономической модернизации, осознания страной своего нового геополитического статуса. В этом плане военный служащий был сродни миссионеру, открывающему новые горизонты перед отсталыми этносами. Идея государственного интереса в ее военной подаче, глубоко усвоенная крестьянским сознанием, дает ключ к пониманию массового отношения к российским войнам, в частности, дружного отпора, оказывавшемуся интервентам на территории России.

Подведем некоторые итоги. Отсутствие слоев гражданского населения, способных предоставить сознательную и сплоченную поддержку реформаторским начинаниям Петра I, было удачно восполнено созданием регулярной армии. Организация воинской службы, адекватная задачам модернизации, и дисциплинарный порядок, гарантирующий четкое исполнение приказов власти, с естественной необходимостью делали армию главным локомотивом преобразовательного процесса. Преобразовательные ее функции в отношении социального пространства неуклонно расширялись. Втягивание широких масс населения в зону влияния военной машины нарушало вековую непроницаемость и неподвижность социальных структур в сельских конгломератах, обуславливало их восприимчивость к инновациям и готовность к социальному партнерству. Таким образом, при активном участии военных агентов верховной власти в области гражданских отношений, хотя и с

меньшей степенью выраженности, утверждались те же начала, которые действовали в самой военной организации.

Вышедшие из рук одних и тех же военных исполнителей реформы первой четверти XVIII в. отличались высокой степенью взаимной согласованности и увязки. «Все у Петра шло дружно и обличало одну сторону. Система была проведена повсюду», — такую оценку методологии реформ даст впоследствии С.М. Соловьев⁶⁹. Достигнутая на этой основе координация перемен облегчала их вживание в ткань социальной жизни и обеспечивала преемственность в историческом времени.

Опыт российской модернизации, рассмотренный в сравнительно-исторической перспективе, выявляет формирующую роль военного строительства по отношению к сфере общегражданских отношений. В странах, где военные реформы проводились на старой военно-ленной основе, ограничивались частичными изменениями воинской службы и не затрагивали устоявшихся привилегий феодальной знати, наблюдалось прогрессирующее отпадение от нормативного порядка высшего сословия и дезинтеграция общества. Эти тенденции обусловили упадок Османской империи, открыв простор и для возрастающего давления на нее западных держав с конца XVIII века. По тем же причинам держава Моголов, основанная в XVI в. воинственным правителем Бухары Бабуром, постепенно погружалась в застой, утрачивала способность к сплочению защитных сил перед лицом внешней угрозы, а в 1761 г. была вынуждена признать свою капитуляцию в борьбе с английской Ост-Индийской компанией. Военная реформа Лавуа и Людовика XVI в более передовой Франции, хотя и вывела ее в разряд сильной военной державы,

49

из-за серьезных перекосов в распределении воинских обязанностей между страхами усилила конфликтность в ее социальном развитии.

Привлечение к исполнению воинского долга на общих основаниях — социальных низов через рекрутскую повинность и дворянства через поголовную мобилизацию — позволило в России осуществить прорыв в деле государственной обороны, одновременно дав толчок оформлению консо-лидационных механизмов в обществе.

Примечания

1. КЕЕР J.L.H. Soldiers of the Tsar Army and Society in Russia. 1462-1874. Oxford. 1985, p. 106-107.
2. АНИСИМОВ Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719— 1728 гг. Л. 1982, с. 154.
3. РАБИНОВИЧ М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны. — Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М. 1969, с. 223.
4. КЕРСНОВСКИЙ А.А. История русской армии в 4-х т. Т 1. От Нарвы до Парижа. М. 1992, с. 51.

5. ПОСОШКОВ И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М. 1951, с. 268.
6. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. — Вопросы военной истории России, с. 234, 237.
7. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М. 1958, с. 68.
8. ИНДОВА Е. К вопросу о дворянской собственности в поздний феодальный период. — Дворянство и крепостной строй в России. XVI—XVIII вв. М. 1975, с. 277—278, 280.
9. РАБИНОВИЧ М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны. — Россия в период реформ Петра I. М. 1973, с. 166, 170.
10. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ Е.П. К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I). — Дворянство и крепостной строй России, с. 186—188.
11. КЕЕР J.L.H. *Op. cit.*, p. 126.
12. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 237-238.
13. ТРОИЦКИЙ С.М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М. 1974, с. 43.
14. Российское законодательство X—XX вв. В 9-ти т. Т. 4. М. 1986, с. 62.
15. Там же, с. 346.
16. БРЮС П.Г. Из мемуаров. — БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 184.
17. ФОККЕРОДТ И.Г. Россия при Петре Великом. — Неистовый реформатор. М. 2000, с. 33—34, 86.
18. ТРОИЦКИЙ С.М. Ук. соч., с. 104-118.
19. ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. — Лавры Полтавы. М. 2001, с. 65, 91, 95, 152, 162.
20. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. IV. № 2467.
21. ХРУСТАЛЕВ Е.Ю. БАТЬКОВСКИЙ А.М. БАЛЫЧЕВ С.Ю. Размер денежного довольствия офицера представляется предметом первостепенной важности. — Военно-исторический журнал. 1997. № 1, с. 5.
22. ПСЗ. Т. IV. № 2319.
23. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 195; ПСЗ. Т. IV. № 2319; ХРУСТАЛЕВ Е.Ю. БАТЬКОВСКИЙ А.М. БАЛЫЧЕВ С.Ю. Ук. соч., с. 5.
24. ТРОИЦКИЙ С.М. Ук. соч., с. 43.
25. ХОК С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М. 1993, с. 142—143, 146.
26. РАБИНОВИЧ М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров, с. 170.
27. СМЕРНОВ Ю.Н. Русская гвардия в XVIII веке. Куйбышев. 1989, с. 26.
28. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 210.
29. ДАШКОВА Е.Р. Записки. 1743-1810. Л. 1985, с. 127-128.

30. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М. 1983, с. 80.[^]
31. ПЛЕЙЕР О.А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году. — Лавры Полтавы, с. 398.
32. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 57, 64, 315.
- 50
33. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию. — Лавры Полтавы, с. 380.
34. УРЕДССОН С. Карл XII. — Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М. 1999, с. 36, 58.
35. АРТЕУС Г. Карл XII и его армия. — Там же, с. 166.
36. НЕПЛЮЕВ И.И. Записки. - Империя после Петра. 1725-1765. М. 1998, с. 420, 423.
37. Воспоминания И.И. Голикова об И.И. Неплюеве. — Империя после Петра, с. 448.
38. НАЦОКИН В.А. Записки. - Там же, с. 236.
39. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 179.
40. ПСЗ. Т. III. № 1540; ПСЗ. Т. V. № 2638.
41. Российское законодательство X—XX вв. Т. 4, с. 327—365.
42. ЮЛЬ Ю. Ук. соч., с. 73.
43. ПОРШНЕВ Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979, с. 95—96, 107—108.
44. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова, с. 70—71.
45. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова. — 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М. 1991, с. 117.
46. Граф Никита Петрович Панин. — Русская старина. 1873. Т. 8, с. 340.
47. ГОТЬЕ Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М. 1913, с. 36-37, 42, 134, 319.
48. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М. 1902, с. 367.
49. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Ук. соч., с. 308.
50. Российское законодательство X—XX вв. Т. 4, с. 204—206.
51. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Ук. соч., с. 119.
52. Российское законодательство X—XX вв. Т. 4, с. 207.
53. ПОСОШКОВ И.Т. Ук. соч., с. 44-45.
54. Российское законодательство X—XX вв. Т. 4, с. 206—207.
55. БОГОСЛОВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 368, 370.
56. ГОТЬЕ Ю.В. Ук. соч., с. 37.

57. АНИСИМОВ Е.В. Юный град Петербург времен Петра Великого. СПб. 2003, с. 97.
58. САВЕЛЬЕВА И.М., ПОЛЕТАЕВ А.В. История и время. В поисках утраченного. М. 1997, с. 561.
59. СЕА Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М. 1984, с. 82.
60. МЕНДРА А. Основы социологии. М. 2000, с. 69—70.
61. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб. 1999, с. 131, 137, 311.
62. БРОДЕЛЬ Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3. М. 1992, с. 463.
63. Там же, с. 40.
64. ДАШКОВА Е.Р. Ук. соч., с. 136.
65. ОБУШЕНКОВА Л.А. Королевство Польское в 1815-1830 гг. М. 1979, с. 47, 61, 126.
66. Дневник Александра Чичерина. 1812—1813. М. 1966, с. Ю.5, 105.
67. СЕМЕВСКИЙ М.И. Слово и дело. 1700-1725. СПб. 1884, с. 11-12, 48-51.
68. БЛОК М. Апология истории, или Ремесло историка. М. 1973, с. 61.
69. СОЛОВЬЕВ С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М. 1984, с. 174.